

Фасхутдинова Самира Маратовна,
Студентка Казанского филиала,
ФГБОУВО «Российский государственный университет
правосудия имени В. М. Лебедева»
Faskhutdinova Samira Maratovna, Student, Kazan Branch,
V. M. Lebedev Russian State University of Justice

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВЫХ ПРАВ CONSTITUTIONAL BASIS OF DIGITAL RIGHTS

Аннотация. В статье особое внимание уделяется процедурным гарантиям, содержание цифровых прав в конституционном измерении, выявление основных правовых конфликтов и формулировка перспективных направлений развития гарантий.

Цифровизация перестала быть отдельным направлением технологической политики и превратилась в среду, внутри которой человек ежедневно реализует свои основные права.

Общение, труд, образование, получение государственных услуг, распоряжение имуществом, участие в общественной дискуссии и обращение за судебной защитой все чаще опосредованы информационными системами.

Поэтому вопрос о цифровых правах имеет не только отраслевое, но и конституционное значение. Конституция Российской Федерации не использует термин «цифровые права» в специальном смысле, однако закрепленные ею достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, тайна сообщений, свобода мысли и слова, право искать и распространять информацию, равенство, собственность и судебная защита сохраняют действие независимо от того, реализуются ли они офлайн или посредством цифровых технологий [1].

Именно это позволяет говорить о конституционном измерении цифровых прав.

Abstract. The article pays special attention to procedural guarantees, the content of digital rights in the constitutional dimension, the identification of the main legal conflicts and the formulation of promising directions for the development of guarantees.

Digitalization has ceased to be a separate area of technological policy and has become an environment within which individuals exercise their fundamental rights on a daily basis. Communication, work, education, access to government services, disposal of property, participation in public debate, and seeking judicial protection are increasingly mediated by information systems. Therefore, the issue of digital rights is of not only sectoral but also constitutional significance.

The Constitution of the Russian Federation does not use the term "digital rights" in a specific sense. However, the rights it enshrines—personal dignity, privacy, confidentiality of communications, freedom of thought and speech, the right to seek and disseminate information, equality, property, and judicial protection—remain valid regardless of whether they are exercised offline or through digital technologies [1].

This is precisely what allows us to speak of the constitutional dimension of digital rights.

Ключевые слова: Конституционные основы, цифровые права, защита персональных данных.

Keywords: Constitutional foundations, digital rights, personal data protection.

В российском праве термин «цифровые права» имеет особенность. Статья 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации использует его в узком юридико-техническом значении и относит к цифровым правам названные законом обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы [2].

В конституционно-правовой литературе выражение применяется шире – для обозначения прав и свобод человека в цифровой среде, новых способов их реализации и специальных гарантий от цифровых угроз. Смещение этих двух уровней приводит к методологической ошибке: гражданско-правовой объект начинают отождествлять с системой фундаментальных прав. Поэтому исходной задачей работы является разграничение указанных смыслов.

Объекты включают общественные отношения, складывающиеся при реализации и защите конституционных прав человека в цифровой среде, положения Конституции Российской Федерации, нормы информационного, гражданского и административного законодательства, акты Конституционного Суда Российской Федерации, научные подходы к цифровым правам, а также актуальные данные 2026 года, характеризующие риски и практику цифровизации.

Практическая значимость конституционного подхода состоит в том, что он оценивает цифровую систему не только по формальному соблюдению технической процедуры, но и по реальной способности человека сохранять автономию и защищать свои интересы.

Наличие кнопки согласия, электронного интерфейса или автоматического ответа еще не означает полноценной гарантии права, если пользователь не понимает последствия обработки данных, не может исправить ошибку или добиться пересмотра решения.

Термин «цифровые права» возник на пересечении разных отраслей права, что объясняет его неоднозначность. В гражданском праве российский законодатель придал ему строго определенное значение.

Согласно статье 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [2]. Это определение описывает особый способ фиксации и осуществления имущественного права, а не совокупность прав человека в интернете. Его назначение связано с оборотом цифровых активов и юридической определенностью внутри информационных систем.

Особое значение имеют статьи 23 и 24 Конституции. Статья 23 гарантирует неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, а также тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; ограничение тайны сообщений допускается только на основании судебного решения [1].

Статья 24 запрещает без согласия лица сбор, хранение, использование и распространение информации о его частной жизни и обязывает публичную власть обеспечить возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы [1].

В цифровой среде эти положения становятся основой для защиты персональных данных, коммуникаций и права знать, какая информация используется при принятии решения о человеке.

Конституционный Суд Российской Федерации развивает эти положения через критерии баланса и соразмерности. В Постановлении от 13 июля 2022 г. № 31-П Суд подчеркнул повышенную конституционную защиту информации о частной жизни и указал, что свобода информации, затрагивающая права по статьям 23 и 24 Конституции, требует предусмотренных законом оснований и соблюдения баланса ценностей [3]. Этот подход важен далеко за пределами конкретного спора: цифровая обработка данных не может оправдываться одной лишь полезностью или общедоступностью технического инструмента. Необходимы правовое основание, определенная цель и гарантии от несоразмерного вмешательства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Официальный текст.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 141.1 «Цифровые права».
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.07.2022 № 31-П.

